

крепкими, ясными; по ним можно проследить духовное развитие автора: мучительную борьбу с сомнениями, искушениями, отчаянием, освобождение от соблазнов красоты и мастерства, углубление в собственную душу, упрямое стремление к совершенству и чистоте, напряженное искание Бога. <...> Стихи Терапиано — об одиночестве души современного человека, о ее затерянности в страшном и темном мире, богооставленности и безысходной муке» (Совр. записки. 1935. Кн. 58. С. 476). В то же время Ходасевич ука­зывал на отсутствие в «гладких» стихах Т. лит. своеобразия, на его «несомненное умение повторять чужое» (Возрождение. 1935. № 3697. 18 июля. С. 3). Этот недостаток, по мнению Ходасевича, был во многом пре­одолен в третьей книге стихов Т. «**На ветру**» (Париж, 1938), которая, «потеряв в цельнос­ти, <...> выиграла в правдивости»: «...став самим собою, Терапиано не мог не написать не­скольких стихотворений, в которых есть не­что свое, неповторимое — и тем самым нуж­ное для других» (Возрождение. 1938. № 4159. 25 нояб. С. 9).

Вобрав в себя настроения, характерные для мн. поэтов русского Парижа (внутренняя тревога, разуверения, ощущение неприкая­ности, драматизма повседневной жизни), поэ­зия Т. сохранила изначально присущую ей «неоклассическую» ориентацию, тяготение к отточенному мастерству, верность поэтиче­ским традициям начала XX в. (в «На ветру» «любимым поэтом» провозглашается И. Ф. Анненский — стих. «**Каким скупым и беспощадным светом...**», С. 39), рели­гиозную устремленность. Те же особенности отличают и четвертую книгу стихов Т. «**Странствие земное**» (Париж, 1951), включающую произведения, навеянные вос­поминаниями о Гражданской войне и размы­шлениями о судьбе России: «Земля моя, за каменной стеною, / За крепким частоко­лом — не пройти: / Любить всю жизнь любо­вию одною — / И вновь — не Ты, и нет к Тебе пути!» («Муза». С. 41). В последующие деся­тилетия Т. почти не пишет стихов; последний его сб. — «**Паруса**» (Washington, 1965).

Теософские интересы Т. и его представле­ния о древнейшей предыстории земли отра­зились в мистическом повествовании «**Путе­шествие в неизвестный край**» (Париж, [1946]) — прозаической книге об обитаю­щем в неизвестной стране в Гималаях «по­томстве переселенцев с давно исчезнувшего материка» (С. 34); здесь излагаются эзоте­рические сюжеты («Сказание об исчезнувших материках», «Предания о Кресте и Розе»,

«Предание об Иссе Милостивом» и др.), ко­торые Т. интерпретирует как «отблеск вооб­ражения», «другую сторону нашей собствен­ной <...> мечты о лучшем мире, о лучших лю­дях» (С. 164).

В послевоенные годы Т. постоянно печатался в основных эмигрантских журналах и альманахах («Новоселье», «Новый ж.», «Возрождение», «Опыты», «Грани», «Мос­ты», «Современник», «Оккультизм и йога» и др.), регулярно помещал критические ста­тьи и обзоры в нью-йоркской газ. «Новое рус­ское слово» (1945–55), в 1955–78 вел кри­тический отдел в парижской «Русской мысли». Часть его публикаций этого времени, посвя­щенных лит-ре Русского зарубежья, собрана в посмертно изданной книге «**Литератур­ная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, ста­тьи**» (Сост. Р. Герра и А. Глезер. Париж; Нью-Йорк, 1987). Под ред. Т. (совместно с И. Яс­сен и В. Андреевым) был издан сб. стихов рус­ских зарубежных поэтов «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, [1948]), он же составил антологию «Муза диаспоры. Избранные стихи зару­бежных поэтов. 1920–1960» (Франкфурт-на-Майне, 1960). Ценнейшим источником сведений о жизни русской эмиграции в 1920–30-е является книга воспоминаний Т. «**Встречи**» (Нью-Йорк, 1953), включающая характеристики основных парижских лит. объединений и аналитические очерки о ряде писателей-эмигрантов. В 1971, уже в пре­клонном возрасте, Т. стал инициатором лит. собраний «Медонские вечера», где неизменно председательствовал; выступал с доклада­ми на заседаниях Союза писателей и журна­листов в Русской консерватории им. С. Рахма­нинова. С 1955 проживал в «Русском доме» в Ганьи, где и скончался. В последние годы жизни тесно общался с И. В. Одоевцовой, пос­вятившей памяти Т. книгу воспоминаний «На берегах Сены» (Париж, 1983).

Соч.: Избр. стихи. Вашингтон, 1963; Samsara: Roman. Paris, 1972; La Perse secrète. Aux sources du mazdéisme. Paris, 1978; Встречи. 1926–1971 / вступ. статья, сост., подгот. текста, комм., указатели Т. Г. Юр­ченко. М., 2002.

Лит.: Одоевцева И. [Некролог] // Русская мысль. 1980. 17 июля; Иваск Ю. [Некролог] // Новый ж. 1981. № 144; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С. 313–327.

А. В. Лавров

ТЕРЕНТЬЕВ Игорь Герасимович [17(29).1. 1892, Павлоград Екатеринославской губ.—

17.6.1937, Москва, в заключении] — поэт, автор манифестов и деклараций, критик, драматург, режиссер.

Отец Т., Герасим Львович, — полковник жандармерии, мать, Елизавета фон Дерфенден, — из рода прусских баронов. В 1902 семья переехала в Харьков, где Т. окончил гимназию и в 1910 поступил на юридический ф-т Харьковского ун-та. Одновременно учился в худож. училище. В 1912–14 закончил образование на юридическом ф-те Московского ун-та. В 1916 приехал в Тифлис, где женился на Наталье Карпович. С апр. 1918 вошел в группу «41°», объединившую «левобережных» футуристов и утверждавшую «заумь» как обязательную форму воплощения искусства» (Терентьев И. СС. С. 418). 4 мая 1918 выступил в «Фантастическом кабачке» в Тифлисе (Тбилиси), где собирались поэты-футуристы, с программным сообщением: «**А. Крученных грандиозарь**» (опубл.: Тифлис, 1918). Эстетический фундамент футуризма Т. определил как отсчет времени в обратную сторону: «мирсконца» (А. Крученных грандиозарь. С. 9), в худож. практике это выразилось в поисках новых приемов визуализации звукорядов. Другому мэтру группы «41°», входящему вместе с Крученых и Т. в триумvirат объединения, Т. посвятил книгу «**Рекорд нежности. Житие Ильи Зданевича**» (Тифлис, 1919). Т. принимал активное участие во всех формах худож. жизни объединения: публичные лекции и доклады, чтение стихов, вечера в «Фантастическом кабачке», публикации в одноименных альманахах и работа в изд-ве «41°». В 1919 Т. выпустил в этом изд-ве два дебютных сб. стихов: «**Факт**» и «**Херувимы свистят**». В них Т., как и его коллеги по группе, экспериментирует на самых различных уровнях стихосложения: фонетике, ритмике, «сдвигологии», а также «работает» с графическим образом слова и его типографским воплощением. «...Буквы ле-та-ют, присаживаясь на квадрат, треугольник или суковатую поперечину» — так охарактеризовал Т. новую типографику (А. Крученных грандиозарь. С. 7). Брюсов был разочарован тем, что все новации этой группы футуристов сводятся лишь к «исхищрениям типографским». В янв. 1922 Т. вместе с И. Зданевичем выехал в Константинополь. Там совместно с Ю. Терапиано он пытался создать отдел «41°». Однако уже в середине авг. Т. вернулся на родину, отказавшись ехать в Париж, где его ждал И. Зданевич. В апр. 1923 Т. переезжает в Москву к А. Крученых, где сотрудничает в ж. «ЛЕФ» и сатирическом ж. «Крысодав» (1923. № 1, 2).

В авг. 1923 Т. вновь переезжает в Петроград, где активно сотрудничает с К. Малевичем. В 1924–25 руководит Фонологическим отделом ГИНХУКа (Гос. ин-та худож. культуры). Это период творческого подъема, когда Т. мечтал создать радикальную футуристическую группу «левее ЛЕФа», в которой объединились бы «марксизм с заумью» и материальное с беспредметным. В 1924–26 сблизился с группой обэриутов. Во 2-й половине 1920-х Т. перенес худож. эксперименты в области визуализации слова на сценическую площадку, полностью посвятив себя режиссерской деятельности. Весной 1924 Т. поставил в студии Шиманского антипасхальную агитку «**Снегурочка**» (пародия на пьесу А. Н. Островского). В сент. 1924 с Г. Аловым организовал «Красный театр», для которого написал пьесу «**Джон Рид**». Три различные версии этой пьесы Т. поставил на трех разных площадках (24 окт., 14 дек. 1924 и 18 сент. 1926). Творческий диапазон Т.-драматурга достаточно широк: от заумной пьесы «**Иордано Бруно**» (1924) до фактографических «**Колхоз**» (1927) и «**Узелок**». В начале 1926 создал экспериментальный Театр Дома Печати, где, среди прочего, поставил гоголевского «Ревизора» в заумной интерпретации. Спектакль был принят публикой неоднозначно — от скандала до триумфа. Реформатор театра, Т. один из первых применил интерактивный метод участия зрителей в происходящем на сцене. Поиски нового в этой области привели Т. от авторского спектакля к самодеятельному театру. Принципы антиаристотелевского театра сформулированы в статье «**Самодеятельный театр**» (1925). В 1928 продолжил сотрудничество с С. Третьяковым в ж. «Новый ЛЕФ», где опубликовал статью «**Антихудожественный театр**» манифест театра факта. С начала 1929 Т. работал в качестве режиссера на Украине (Харьков, Днепропетровск), ставил спектакли на украинском яз. В 1931 Т. в первый раз арестован. Осенью 1932 Т. прибыл на строительство Беломорканала. Там из Повенецкой агитбригады он организовал «канальный» театр (агитбригаду им. С. Фирина). В 1933 поставил спектакль «**Шалман**», соединявший идеи самодеятельного театра и реального шоу, в нем проходившие «перековку» в лагере воры и проститутки исполняли эпизоды из своей прошлой жизни. Т. досрочно освобожден в 1933, перебрался с Беломорканала на строительство канала Москва–Волга. В 1970-е «в среде литераторов упорно ходила легенда, что Т., не желая покидать лагерь, сменил фамилию и так и сгинул в ГУЛАГе бес-

следно» (Следственное дело Игоря Терентьева. С. 533). 26 мая 1937 вновь арестован как участник контрреволюционной террористической организации в Дмитлаге. Расстрелян в Бутырской тюрьме.

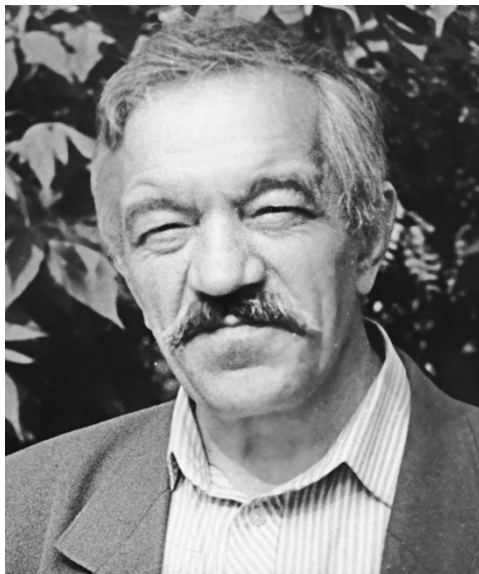
Соч.: СС. Vologna, 1988; Мои похороны: Стихи, письма, следственные показания, документы. М., 1993; А. Крученных грандиозарь. Тифлис, 1918; Факт. Тифлис, 1919; Херувимы свистят. Тифлис, 1919; Куранты. Тифлис, 1919; 17 ерундовых орудий. Тифлис, 1919; Рекорд нежности. Житие Ильи Зданевича. Тифлис, 1919; Маршрут шаризны. Изумрудные подробности. Тифлис, 1919; Трактат о сплошном неприличии. Тифлис, 1920.

Лит.: Никольская Т. Забытый авангард. Wien, 1988; Следственное дело Игоря Терентьева (1931) / публ. С. В. Кудрявцева; вступ. статья и прим. Н. А. Богомолова и С. В. Кудрявцева // Минувшее: исторический альм. М.; СПб., 1995. № 8. С. 533–608; Бренер А. Интеллектуальная культура и прецедент Терентьева // Терентьевский сб. 1996. М., 1996; Бирюков С. «Пережной теории». Игорь Терентьев — летучий теоретик авангарда // Терентьевский сб. М., 1998. Вып. 2. С. 9–12.

О. А. Кузнецова

ТИМОФЕЕВ Виктор Леонтьевич [17.5.1940, слобода Боровая Боровского р-на Харьковской обл., Украина] — поэт, публицист.

Родился в крестьянской семье, отец умер, когда Т. было 8 лет. Мать воспитывала двоих детей одна. Окончил Мурманское мореходное училище (1960), книгоиздательский ф-т Московского полиграфического ин-та заоч-

В. Л. Тимофеев

но (1968), Ленинградскую высшую партийную школу (1974).

После окончания училища 4 года работал штурманом на судах управления «Мурмансельдь». С 1964 профессионально работает как журналист — сначала корреспондентом морской радиоредакции (впоследствии — радиостанция «Атлантика»). Заведовал отделом пропаганды и агитации, был спецкором редакции газ. «Комсомолец Заполярья» (1966–72). После окончания ЛВПШ вернулся на радиостанцию «Атлантика» главным редактором. В 1975–81 — главный редактор Мурманской студии телевидения.

Член СП СССР (ныне — России) с 1977. Один из основателей Мурманской областной организации Союза (1978). Возглавлял ее в должности ответственного секретаря в 1985–90. Один из инициаторов традиции празднования 24 мая Дня славянской письменности и культуры (в Мурманске впервые проведен в 1986; с 1991 — гос. праздник России). В 1990 создал и возглавил в качестве директора издательско-просветительский центр «Русский Север». Редактор общественно-политической газ. «Славянский ход» (издается с 1997). С дек. 2001 — председатель областного отделения Всероссийского фонда культуры. Живет в Мурманске. Заслуженный работник культуры РФ (1999).

Первые публикации Т. в газетах относятся к началу 1960-х, а дебютный его стихотворный сб. «**Ритм моря**» увидел свет в книге «Искренность» (1965), собравшей под одной обложкой стихи четверых поэтов-мурманчан. К обретению своего голоса, рождению своей, неповторимой поэтической интонации Т. пришел через увлечение эстрадной поэзией 1960-х, стихами кумиров эпохи «оттепели»: Вознесенского, Рождественского, Евтушенко. В первых его книгах их влияние особенно велико, подчас слишком очевидно. О «совершенно излишней „цитации“ других авторов — от Есенина до Вознесенского» еще в 1970 писал в рецензии на книгу «Роза тревог» Л. Резников.

Отзвуки давних увлечений слышны и в его зрелых стихах, в сложившейся уже поэтической манере — в тяготении к стихотворной публицистике. Частью поэтического существа Т. стало и характерное для поэтов-шестидесятников «активное отношение к жизни, стремление переделать ее, пробудить спящих» (Резников Л.— С. 3).

Определяющими для Т. стали две темы — земли и моря. Земли как пространства, где веками жили предки поэта, эту землю возде-